

ФИЛОСОФСКИЕ НАЧАЛА КНИГИ СТИХОВ Е.А. БОРАТЫНСКОГО «СУМЕРКИ»¹

Ю.Ю. АНОХИНА

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
Институт мировой литературы имени А.М. Горького*

Аннотация: Автор статьи ставит перед собой задачу проанализировать то, как воплотились в книге стихов Е.А. Боратынского «Сумерки» такие философские начала, как бытие и пространство. Автор предпринимает попытку рассмотреть указанные категории в их общей связи. В статье показано, что бытие субъекта предстает в книге внутренне противоречивым. Материальные и духовные начала бытия личности оказываются органически непримиримыми («Последний поэт», «На что вы дни! Юдольный мир явленья...»). Этот внутренний разлад отражается и на восприятии пространства. Автор показывает, что даже небесное пространство, казалось бы, идеальное, в «Сумерках» представлено как трагически разрозненное, нецелостное («Князю Петру Андреевичу Вяземскому», «Недоносок»). В статье рассмотрено, каким предстает в стихотворениях мир природы и продемонстрировано, что воплощенная в книге идея разобщенности человечества с природой является следствием разлада во внутреннем бытии человека («Приметы», «Осень»). Отмечено, что земной мир предстает суетным, преходящим, а потому и устрашающим, однако полный уход от земного невозможен («Недоносок», «Осень»). Автор приходит к выводу о том, что внутренние противоречия лирического героя книги и внешний конфликт с действительностью предстает взаимообусловленными.

Ключевые слова: пространство, бытие, Е.А. Боратынский, «Сумерки», книга стихов, поэзия, романтизм.

¹ Статья написана в Институте мировой литературы им. А.М. Горького РАН за счет гранта Российского научного фонда (проект № 17-18-01432). В основу работы положен доклад, прочитанный на научном семинаре в рамках проекта «Русская литература и философия: пути взаимодействия». См.: Анохина Ю.Ю. Философские начала книги стихов «Сумерки» Е.А. Боратынского, URL: <http://www.lit-phil.ru/events/5>.

This research was carried out at A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences with financial support of the Russian Science Foundation (RSF, the project № 17-18-01432). The article is based on a talk the author gave at an academic seminar that was part of the project «Russian literature and philosophy: ways of interaction». See: Anokhina Yu.Yu. Philosophical elements in «Twilight» book of poems by Ye.A. Boratynsky, URL: <http://www.lit-phil.ru/events/5>.

PHILOSOPHICAL ELEMENTS IN «TWILIGHT» BOOK OF POEMS

BY Ye.A. BORATYNSKY

Yu. Yu. ANOKHINA

*Lomonosov Moscow State University, A.M. Gorky Institute
of World Literature of the RAS*

Summary: The author of the present article aims to analyse the ways in which such philosophical elements as 'being' and 'space' emerged in the «Twilight» book of poems by Yevgeny Boratynsky. Those elements are assumed to be connected. The article shows that a person's being is presented in the book as internally contradictory. Material and spiritual elements of human existence turn out to be ultimately irreconcilable («Last Poet», «What for are you, days! This world of being...»). This internal contradiction is reflected in the perception of space. The author shows that even celestial space, however perfect, is represented as tragically separate, non-unified («To Prince Peter Vyazemsky», «Nedonosok»). The article also considers the way the world of Nature is presented in the poems and elucidates that the idea of separation of humanity and Nature is a consequence of a separation in the internal being of man («Omens», «Autumn»). It is observed that the earthly world appears vain and transient, and frightening for that reason, but a complete escape from the earthly world is not possible («Nedonosok», «Autumn»). The author concludes that the internal contradictions of a lyrical hero of the book and his external conflict with reality appear intertwined and interdependent.

Key words: space, being, Boratynsky, «Twilight», book of poems, poetry, Romantics.

В историю русской литературы Е.А.Боратынский вошел как «философский поэт»². Репутация³ Боратынского как «поэта мысли»⁴, утвер-

² Семенко И.М. Поэты пушкинской поры. М.: Художественная литература. 1970. С. 295.

³ О формировании репутации Е.А. Боратынского в литературоведении прошлого века см.: Хузеева Л.П. Мифологизация личности Е.А. Боратынского в русском литературоведении XX века // Известия Саратовского университета. Нов. сер. Филология. Журналистика. 2013. Вып. 3. С. 54–60.

⁴ О представлениях поэтов пушкинской поры о «поэзии мысли» см.: Семенко И.М. Поэты пушкинской поры. С. 249 и, безусловно, Гинзбург Л.Я. Поэзия мысли // Гинзбург Л.Я. О Лирике. М.: Интрада, 1997. С. 50–120. Представление о Боратынском как о «поэте мысли» возникло не только благодаря известным словам А.С. Пушкина о нем, «он у нас оригинален, ибо мыслит». (См.: Пушкин А.С. <Боратынский> // Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: В 16 т. М., Л.: Изд-во АН СССР. 1937–1959. Т. 11. 1949. С. 185), но и как показали И.М. Семенко и Л.Я. Гинзбург в указанных работах, благодаря тому, что московские романтики особенно заострили вопрос о необходимости новой поэзии, «поэзии мысли». Поэзия Боратынского, благодаря ее философскому характеру, органично вписывалась в это направление.

дившаяся во многом благодаря поэтам, критикам и литературоведам конца XIX – начала XX веков⁵, неслучайна. Поскольку, как показывают и современные исследователи творчества поэта, само развитие поэзии Боратынского оказывается диалектичным, а идеи, выраженные в его стихотворениях – глубоко философскими⁶. Закономерен и интерес к мировоззренческим установкам поэта, его философские и эстетические взгляды вызвали интерес исследователей как на протяжении XX столетия⁷, так и сейчас⁸.

В творчестве поэта книга стихов «Сумерки» (1842) занимает особое место. Ведь именно в ней высветились «противоречия общественной и эстетической позиции позднего Боратынского»⁹.

⁵ Андреевский С.А. Поэзия Боратынского // Андреевский С.А. Литературные чтения, СПб., 1891. С. 1–36. Айхенвальд Ю.И. Боратынский // Айхенвальд Ю.И. Силуэты русских писателей. Вып. 1. М., 1907. С. 90–105. Верховский Ю. О символизме Боратынского // Труды и дни. 1912. № 3. С. 1–9.

⁶ «Философской» поэзия Боратынского предстает в работах современных исследователей творчества поэта: Козубовская Г.П. Поэзия Е.А. Боратынского: «несостоявшийся диалог» // Вестн. Барнаул. гос. пед. ун-та. Сер. Гуманитар. науки. Барнаул, 2001. № 1. С. 48–58. Рудакова С.В. Основные образно-семантические категории поэтического мира Е.А. Боратынского: монография. Магнитогорск: МаГУ, 2013. 163 с.

⁷ Брюсов В.Я. Мировоззрения Боратынского // Брюсов В.Я. Собрание сочинений в 7-ми т. / Под общ. Ред. П.Г. Антокольского и др. Т. 6: Статьи и рецензии. 1893–1924. «Далекие и близкие». Ст. и составл. Д.Е. Максимова и Р.Е. Помирного. М.: Художественная литература, 1975. С. 34–35; Мазена Н.Р. Боратынский: эстетические и литературные взгляды. Киев: Изд-во Академии наук Украинской ССР, 1961. – 91 с.; Куприянова Е.Н. Боратынский тридцатых годов // Боратынский Е.А. Полное собрание стихотворений: в 2 т. Л.: Советский писатель, 1936. Т. 1. 1936. С. 78–116. Эстетические и металитературные высказывания Боратынского, разбросанные по его письмам, были собраны Е.Н. Лебедевым: *Боратынский Е.А. Разума великолепный пир: О литературе и искусстве / Вступ. статья, составл. и примеч. Е.Н. Лебедева. М.: Современник, 1981. – 224 с.*

⁸ Хитрова Д.С. Литературная позиция Е.А. Боратынского и эстетические споры конца 1820-х годов // Пушкинские чтения в Тарту 3: Материалы международной научной конференции, посвященной 220-летию В.А. Жуковского и 200-летию Ф.И. Тютчева / Ред. Л. Киселева. Тарту: Tartu Ülikooli Kirjastus, 2004. С. 149–180. Или см. ее диссертационное исследование *Хитрова Д.С. Литературная позиция Е.А. Боратынского 1820 – первой половины 1830-х годов. Дисс. ... канд. филол. наук. М.: 2005. – 179 с.*

⁹ Фризман Л.Г. Творческий путь Боратынского. М.: Наука, 1966. С. 98.

В литературе о творчестве Боратынского не раз отмечалось, что, назвав книгу «Сумерки», поэт подчеркнул ее индивидуально-авторское начало. Ведь «сумерками» называлось место в парке в усадьбе Боратынских в Муранове. И речка, протекающая вблизи Муранова, носит созвучное заглавию книги название «Сумерь»¹⁰.

Кроме того, функция заглавия состоит и в том, что именно оно «предопределяет внутреннее единство стихотворений, в нее входящих»¹¹. Безусловно, не только заглавием обеспечивается объединение разрозненных¹², на первый взгляд, стихотворений в книгу стихов¹³. Стихотворения объединены и идейно-тематическим планом, и лирическим героем¹⁴, и пространственно-временной организацией¹⁵. Тот факт, что «Сумерки» представляют собой «лирическое единство»¹⁶, позволяет нам анализи-

¹⁰ Лебедев Е.Н. Тризна: книга о Е.А. Боратынском. СПб., М.: Летний сад, 2000. С. 56.

¹¹ Рудакова С.В. Книга стихов «Сумерки» Е.А. Боратынского как лирическое единство: монография. Saarbrücken: LAP Lambert, 2011. С. 18.

¹² Стихотворения расположены не хронологически и различны по жанру.

¹³ У ученых нет единого мнения о жанре «Сумерек». См. об этом: Хузеева Л.Р. Вопрос о жанре «Сумерек» Е.А. Боратынского в русском и зарубежном литературоведении // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. № 8. Ч. 2. С. 192–195.

¹⁴ Несмотря на то, что исследователи приходят к согласию в том, что лирический герой объединяет стихотворения, их представления о сущности лирического героя разнятся. И.Л. Альми показывает, что в центре книги – «некий внеличный комплекс» (Альми И.Л. О поэзии и прозе. СПб.: «Семантика-С» – «Скифия», 2002. С. 178). Р. Фигут вводит понятие «циклический субъект» (Фигут Р. Субъективное и несубъективное в циклическом субъекте «Сумерек» Е.А. Боратынского // Логос. 2001. № 3 С. 19–39). В этом вопросе мы соглашаемся с С.В. Рудаковой, которая отмечает: «В центре “Сумерек” – лирическое “Я” автора – это Поэт, но представленный не своей индивидуальности, а рассмотренный в масштабах всего человеческого рода» (Рудакова С.В. Книга стихов «Сумерки» Е.А. Боратынского как лирическое единство: монография. С. 85)

¹⁵ Рудакова С.В. Пространственно-временная организация книги «Сумерки» Е.А. Боратынского // Проблемы истории, филологии, культуры. 2008. № 22. С. 299–310.

¹⁶ Назовем исследования, посвященные проблеме единства «Сумерек»: Альми И.Л. Сборник Е.А. Боратынского «Сумерки» как лирическое единство // Вопросы литературы. Метод. Стил. Поэтика. Владимир, 1973. Вып. 8. С. 23–81. (Эта статья вошла в сборник работ исследовательницы: Альми И.Л. О поэзии и прозе. СПб.: «Семантика-С» – «Скифия», 2002. С. 178–205); Власенко А.И. Поэтический сборник «Сумерки» как художественное единство // Вестник московского универси-

ровать ее имманентно, без привлечения к анализу стихотворений, не вошедших в нее.

С другой стороны, заглавие такого характера выявляет особое место книги в контексте истории литературы: название сборника стихотворений по идейно-тематическому принципу было характерно не для русской литературы, а скорее для западноевропейской¹⁷.

Кроме того, слово «Сумерки», поставленное в качестве заглавия книги, является отражением ее философии: неслучайно М.Н. Дарвин называет его «предельно онтологизированным и хронотопичным»¹⁸. В свою очередь, С.В. Рудакова, рассуждая о смысле и роли заглавия книги, отмечает один из его важнейших смысловых подтекстов – переходность, незавершенность¹⁹. То, что стихотворения книги носят философский характер, в литературе о творчестве Боратынского отмечалось неоднократно. Так, норвежский исследователь творчества Боратынского Гейр Хетсо, автор монографии «Е.А. Боратынский: жизнь и творчество», подчеркивал, что ««Сумерки» – это книга о больших сомнениях. Но пессимизм Боратынского, в силу своей искренности и правдивости – очищающий пессимизм»²⁰. А.М. Песков, составивший «Летопись жизни и творчества» поэта, в статье «Взгляд на жизнь и сочинения Боратынского» писал: ««Сумерки» – книга философических ответов, данных с позиции сверхзнания – знания, выходящего “за грань чувственного”, “страстного земного”»²¹.

В своей работе мы попытаемся приблизиться к пониманию этих «философических ответов». Под «философскими началами» книги мы бу-

тета. Серия 9. Филология. 1992. № 6. С. 20–27; Рудакова С.В. Книга стихов «Сумерки» Е.А. Боратынского как лирическое единство: монография. – 250 с.

¹⁷ Об этом см.: Фризман Л.Г. Поэт и его книги // *Баратынский Е.А.* Стихотворения. Поэмы. / Изд. подготовил Л.Г. Фризман. М.: Наука, 1982. С. 545; Альми И.Л. О поэзии и прозе. СПб.: «Семантика-С» – «Скифия», 2002. С. 178 и в примечаниях С. 203; а также Рудакова С.В. Книга стихов «Сумерки» Е.А. Боратынского как лирическое единство: монография. С. 17.

¹⁸ Дарвин М.Н. «Художественный мир «Сумерек» Е.А. Боратынского // Дарвин М.Н. Русский лирический цикл: Проблемы истории и теории. Красноярск, 1988. С. 118.

¹⁹ Рудакова С.В. Книга стихов «Сумерки» Е.А. Боратынского как лирическое единство: монография. С. 17.

²⁰ Хетсо Г. Евгений Боратынский. Жизнь и творчество. Oslo; Bergen; Tromsø: Universitetsforlaget, 1973. С.459.

²¹ Песков А.М. Е.А. Взгляд на жизнь и сочинения Боратынского // Летопись жизни и творчества Е.А. Боратынского. 1800–1844. / сост. Песков А.М. М.: Новое литературное обозрение, 1998. С. 43–44.

дем понимать те понятия и категории, которые являются ключевыми для книги стихов. И чтобы несколько сузить проблематику, в настоящей работе мы обратимся к вопросу о том, как воплощена в книге категория бытия, а также к проблеме пространства²² в стихотворениях «Сумерек», чтобы увидеть, как по-новому высвечиваются эти проблемы в общей связи.

Об осмыслении бытия в поэзии Боратынского есть несколько современных работ²³, однако ни в одной из них внимание не сосредоточено специально на стихотворениях книги «Сумерки». В книге Боратынского представление о бытии многогранно. Оно понимается и как существование отдельной личности, и как земное бытие, и как «сверхбытие»²⁴. В настоящей работе мы остановимся на том представлении о бытии, которое связано с существованием отдельного субъекта.

Субъектом бытия в книге может выступать и сам лирический герой книги, и те герои, которыми художественный мир «Сумерек» расцветивается (например, лирический герой стихотворения «Недоносок»). Обратимся к стихотворению «Последний поэт», проследим путь лирического героя от его «возникновения»²⁵ к «исчезновению». Возникновение героя для бытия было подготовлено определенными условиями, а именно наличием в мире «дряхлеющей зимы» своеобразного духовного оази-

²² О художественном пространстве и художественном времени в «Сумерках» пишет С.В. Рудакова. См.: *Рудакова С.В. Пространственно-временная организация книги «Сумерки»* Е.А. Боратынского. С. 299–310. Однако хотелось бы вновь обратиться к проблеме пространства в книге и посмотреть, высветится ли по-новому значение пространственных категорий в связи с представлением о субъективном бытии. На такое предположение наталкивает утверждение С.В. Рудаковой: «Стоит подчеркнуть, что во всех произведениях, входящих в состав “Сумерек”, представлен не быт, а именно бытие человека». *Рудакова С.В.* Указ. соч. С. 302.

²³ *Патроева Н.В.* Концепт «бытие» в поэтической картине мира Е.А. Боратынского: к реконструкции языковой личности «поэта мысли» // Лингвориторическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты. 2014. № 19. С. 161–171; *Козубовская Г.П.* Поэтическая философия Е.А. Боратынского: «границы бытия» // Культура и текст. 2015. № 3. С. 261–303.

²⁴ Здесь кратко обозначены те выводы, к которым мы приходим в результате анализа категории бытия в книге. Подробнее см.: *Анохина Ю.Ю.* Категории бытия и небытия в книге стихов «Сумерки» Е.А. Боратынского // Научный диалог. 2017. № 10. С. 129–148.

²⁵ Мотивы возникновения и исчезновения в книге мы анализируем в статье: *Анохина Ю.Ю.* Указ. соч. С. 140–144. Однако в указанной работе мы совсем не учитываем второе возможное значение глагола «возникнуть».

са, в котором *цветет Парнас*²⁶ и *Кастальский ключ живой струей бьет* (274). О появлении Последнего Поэта сказано так: *Возник поэт: идет он и поет* (274). Как показал В.В. Виноградов, слово «возникать / возникнуть» до середины XIX века употреблялось в двух значениях. Во-первых, как и в древнерусском языке, из которого оно было заимствовано, слово «возникнуть» могло употребляться в значении «подниматься». Второе его значение мыслилось как переносное – «появляться»²⁷. С середины XIX века, считал ученый, слово «возникать / возникнуть» употреблялось только во втором значении. Если мы обратимся к «Словарю языка Пушкина», то увидим, что составители словаря отметили, что это слово в произведениях Пушкина употребляется в обоих указанных значениях. Приведем здесь эти дефиниции: «Возникнуть. 1. *Подняться*. Исчадь мятежей подъемлет злобный крик: Презренный, мрачный и кровавый, Над трупом Вольности безглавой Палач уродливый возник. 2. *Появиться, зародиться*. Я думал о тебе, предел благословенный, Воображал сии сады. Воображаю день счастливый, Когда средь вас возник лицей»²⁸. Глагол «возникнуть» в значении «подняться» появляется и в «Сумерках», а именно в стихотворении «Осень», которое И.Л. Альми сопоставляет с исповедями богоборческих героев Ф.М. Достоевского, в частности с исповедью Ивана Карамазова²⁹: *Но если бы негодованья крик, / Но если б вопль тоски великой / Из глубины сердечныя возник* (298). Мы не настаиваем на том, что в стихотворении «Последний поэт» слово «возникнуть» употреблено именно в значении «подняться», «воспрянуть», а не в значении «появиться». Мы лишь предположим, что в приведенном контексте из стихотворения «Последний поэт» в слове «возникнуть» совмещаются оба значения. Если учитывать второе, непривычное нам толкование этого слова, то можно предположить, что в начальных строфах стихотворения речь идет не столько о «появлении» поэта, сколько о «станов-

²⁶ Тексты стихотворений Е.А. Боратынского цитируются по: *Баратынский Е.А.* Стихотворения. Поэмы / Изд. Подготовил Л.Г. Фризман. М.: Наука, 1982. С. 720. В скобках после цитат указаны страницы по этому же изданию.

²⁷ *Виноградов В.В.* История слов / Российская академия наук. Отделение литературы и языка: Научный совет «Русский язык». Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН / Отв. ред. Академик РАН Н.Ю. Шведов. М., 1999. С. 106.

²⁸ Словарь языка Пушкина: в 4 т. / Отв. ред. АН СССР В.В. Виноградов. 2-е изд., доп. / Российская академия наук. Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова. Том 1: А–Ж. М.: Азбуковник, 2000. С. 328.

²⁹ *Альми И.Л.* О поэзии и прозе. С. 189–190.

лении» человека поэтом. Тогда природу Последнего Поэта можно считать подчеркнуто двойственной. С одной стороны, его бытие материально, он, прежде всего, человек, обладающий телесными возможностями: он *идет* (274) и *персты / Он на струнах своих остановил* (275). С другой стороны, бытие Последнего Поэта одухотворено «мечтой», «фантазией». Представление о «двойном бытии» Последнего Поэта несколько проясняет и финал стихотворения, который по-разному понимается учеными. В.Э. Вацуро считал, что Последний Поэт следует примеру поэтессы Саффо: «Последний поэт бросается в море со скалы Левкада, освященной именем Сафо, – и этот акт самоуничтожения есть для него одновременно и возвращение в породившую его природную стихию, ибо море оказалось неподвластным усилиям человека»³⁰. С точки зрения В.Э. Вацуро, Последний Поэт совершает самоубийство.

Не вполне однозначна формулировка И.Л. Альми, которая, анализируя стихотворение, писала о его финале: «Его [поэта] осмеивают, и отвергнутый, в волнах погребает он “свои мечты, свой бесполезный дар”»³¹. С.В. Рудакова видит в словах И.Л. Альми ту же трагедию, которую находит в последних строфах стихотворения Вацуро³².

Сама С.В. Рудакова считает, что «трагическое стихотворение завершается не смертью Поэта (иначе просто не было бы продолжения разговора), а принятием им мучительного решения жить, попыткой на проклятые ответы жизни в эмпирическом пространстве бытия»³³.

Нам думается, что именование в финале стихотворения лирического героя не «поэтом», а «человеком» (*Но в смущение приводит / Человека вал морской*, 276), а также двойная смысловая нагрузка глагола «возникнуть», описывающего появление / становление поэта дают основание считать, что Последний Поэт, действительно, погибает, но не в морских волнах. Для такого шага он слишком слаб, как и для принятия какого-либо «мучительного решения».

³⁰ Вацуро В.Э. Е.А. Баратынский // История русской литературы: В 4 Т. / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом); Редкол.: Н.И. Пруцков (гл. ред.), А.С. Бушмин, Е.Н. Купреянова, Д.С. Лихачев, Г.П. Макогоненко, К.Д. Муратова. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1980–1983. Т. 2: От сентиментализма к романтизму / Ред. тома Е.Н. Купреянова. Л., 1981. С. 391.

³¹ Альми И.Л. О поэзии и прозе. С. 182.

³² Рудакова С.В. Книга стихов «Сумерки» Е.А. Боратынского как лирическое единство: монография. С. 50.

³³ Там же.

С нашей точки зрения, Последний Поэт гибнет духовно³⁴, продолжая существовать в материальном мире. Так «двуединство» бытия Последнего Поэта оказывается разрушенным: его тело продолжает жить, а душа его, вместе с поэтическим даром, гибнет в морских волнах. В этом смысле существование Последнего Поэта становится отражением в миниатюре существования цивилизации, которая тоже, существуя материально, оказывается мертвой духовно:

И по-прежнему блистает
Хладной роскошью свет,
Серебрит и позлащает
Свой безжизненный скелет. (276)

Подобное разрушение единства материального и духовного бытийных планов внутри отдельной личности раскрывается в другом тексте книги «Сумерки», в стихотворении «На что вы дни! юдольный мир явления...». Бытие лирического героя этого стихотворения также «трагически расщепляется». Его душа мертва: *Свой подвиг ты свершила прежде тела, / Безумная душа!* (288). Внутреннее духовное бытие оказывается не просто «расщепленным» с телесным, оно оказывается несовместимым с ним, духовное предстает катастрофически чуждым телесному. Одна из наиболее интересных, на наш взгляд, интерпретаций этого стихотворения, была предложена И.М. Семенко в ее статье о Боратынском: «Раздвоение души и тела – один из коренных “конфликтов” романтической литературы, конфликтов, вытекающих из нарушения идеальной нормы единства. Главная же тема элегии “На что вы, дни!..” – не расчленение *единого*, а несовместимость разного. В этой элегии отсутствует предпосылка исходного, но нарушенного единства»³⁵.

Так, представление о субъективном бытии личности в «Сумерках» связано с представлением о двуединстве, а точнее о катастрофической разобщенности двух начал бытия: духовного и материального.

Анализ художественного пространства показывает, что пространство в «Сумерках» оказывается неоднородным, дробным. И все же основную пространственную оппозицию выделить можно, она связана с общеромантическим представлением о двоемирии, с противопоставлением «земли» «небу».

³⁴ Возможно, в процитированных нами словах И.Л. Альми речь идет именно об этом.

³⁵ Семенко И.М. Поэты пушкинской поры. С. 261.

Представление о небесном пространстве в книге является сложным, далеким от однозначности. С одной стороны, небо ассоциируется с Провиденьем. Таково представление о небесном пространстве в первом тексте книги, в послании «Князю Петру Андреевичу Вяземскому», которое С.В. Рудакова назвала «эмоционально-духовным камертоном, настраивающим нас на восприятие своеобразия содержательного, образного, идейного, тематического»³⁶. Лирический герой, обеспокоенный судьбами далеких от него друзей, вопрошает: *Что вам дарует Провиденье? / Чем испытует небо вас?* (272). В самой формулировке этих вопросов звучит сомнение в том, что воля свыше может быть только благодатной: Провиденье может как «даровать» людям милость, так и испытывать их. С другой стороны, в финальной строфе стихотворения выражено упование на то, что убедить Провиденье в милости к ближним все же возможно: *Вам высшей благодати молю* (272).

Полная уверенность в расположении небесных сил к земным обитателям звучит в начале стихотворения «Последний поэт». В одной из хорических³⁷ частей слышен голос Последнего Поэта, убеждающий чуждых поэзии современников:

Верьте сладким убеждениям
Вас ласкающих очес
И отрадным убеждениям
Сострадательных небес! (275)

Последний Поэт, до трагического осознания собственной ненужности и своего жалкого положения, не сомневаясь, верит в милость высших сил. Понимание разлада с обществом влечет за собой и утрату гармонии с миром, уверенность Последнего Поэта в «сострадательности» небес угасает. Теперь небо в его представлении – лишь «небосклон», на котором расположено «вечное светило».

Совсем иным, изменчивым и многомерным, предстает небесное пространство в стихотворении «Недоносок». Лирический герой стихотворе-

³⁶ Рудакова С.В. Книга стихов «Сумерки» Е.А. Боратынского как лирическое единство: монография. С. 27.

³⁷ Анализ ритмической структуры стихотворения представлен в работе А.И. Журавлевой: Журавлева А.И. «Последний поэт» // Журавлева А.И. Кое-что из былого и дум: О русской литературе XIX века. М.: Изд-во Московского университета, 2013. С. 98–109.

ния, ничтожный дух недоносок, обитающий *Меж землей и небесами* (281), не обретает «своего» пространства ни на земле, ни на небе. Изменчивость небесного пространства состоит в том, что сначала, во второй строфе стихотворения, оно описывается как гармоничное. Лирический герой играет с животворными лучами и пьет счастливо воздух тонкой (281). Недаром Е.Н. Лебедев, анализируя это стихотворение, отмечал: «Монолог этого “крылатого вздоха” поначалу так светел, так безмятежен»³⁸. Однако уже в следующей, третьей, строфе недоносок становится свидетелем страшной бури, символизирующей утрату гармонии в мире: *Дуновенье роковое / Вьет, крутит меня, как пух / Мчит под небо громовое* (281).

В связи с этим отметим, что положение недоноска, хоть и промежуточно, но все-таки вполне определено, место его обитания названо «беспредельными небесными полями»:

Изнывающий тоской,
Я мечусь в полях небесных,
Надо мной и подо мной
Беспредельных – скорби тесных. (282)

Многомерность небесного пространства в этом стихотворении проявляется в том, что небо – это не только «бездна», исполненная скорбей, но и рай. Ведь недоносок, от лица которого написано стихотворение³⁹, заявляет: *И, едва до облаков / Возлетев, паду слабея. / Как мне быть? Я мал и плох; / Знаю: рай за их волнами* (281). Так, помимо зримого небесного пространства, в стихотворении возникает представление о «втором» небе – незримом, недоступном. Этот образ связан с представлением об идеальном пространстве, о рае. Трагичность положения недоноска не только в его неприкаянности, но и в том, что от того идеального пространства, к которому он устремлен, от рая, его отделяет непреодолимая граница – волна облаков. Противоречивость пространственных представлений здесь состоит в том, что с одной стороны, идеальное пространство очерчено границей, а с другой стороны, мир, в котором обречен существовать этот «живой комок боли»⁴⁰, оказывается безграничным, «беспредельным».

Отметим и то, что две различные небесные сферы, зримая и незримая, отличаются качественно. Зримое небо оказывается и осязаемым: не-

³⁸ Лебедев Е.Н. Тризна: книга о Е.А. Боратынском. С. 151.

³⁹ За исключением последней строфы, в которой появляется голос автора «Сумерек».

⁴⁰ Альми И.Л. О поэзии и прозе. С. 186.

доноска *удушает прах летучий* (281), и постигаемым на слух, причем звуками «небесной бездны» являются устрашающие звуки грохота и свиста бури. Получить представление о незримых небесных сферах можно только вслушавшись: идеальное небесное пространство явлено недоноску через музыку арф, «отголоски» которой он «слабо слышит». Музыка арф ассоциируется с идеальным небесным пространством и в стихотворении «Осень», лирический герой которого со скорбью вынужден признаться сам себе в том, что *арф <...> строй / Не понят был тобой* (299). Здесь представление о пространственной «принадлежности» музыки арф, а также о том, что ее происхождение связано с небесными откровениями, возникает благодаря риторически возвышенному прилагательному «превыспренный» с устаревшим значением «очень высокий, находящийся над землей».

Представление о небе как об идеальном пространстве отразилось и в стихотворении «Бокал». Мечты, разбуженные в сознании лирического героя «другом Аи», названы именно «небесными». Хотя, надо сказать, что мысль лирического героя этого стихотворения не только устремлена «вверх», к небесным тайнам, но и направлена глубоко «вниз» – к *откровеньям преисподней* (286). Поэтому существование лирического героя этого стихотворения промежуточно, и в этом подобно недоноску.

В «Сумерках» представление о небесном пространстве многогранно. Оно связано с представлением о Провидении (послание «Князю Петру Андреевичу Вяземскому» и «Последний поэт»), изменчивым и многомерным оно представлено в стихотворении «Недоносок», где, с одной стороны, оно оказывается зримым местом обитания «ничтожного духа», а с другой стороны, – незримым идеальным пространством, раем.

Идеальному небесному пространству противопоставлен земной мир, непостоянный и, в целом, осмысленный как несовершенный.

В стихотворении «Последний поэт» трагическое осознание ненужности поэзии «свету» в корне меняет отношение лирического героя к действительности. Изменяется его отношение не только к небесному, но и к земному бытию. В начале стихотворения, земля воспринимается им как одухотворенное пространство: неслучайно Боратынский здесь использует олицетворение: *Лучше, смертный, в дни незнанья / Радость чувствует земля* (275). Однако после того как к Последнему Поэту приходит осознание безответности его поэтических усилий, мир перестает быть гармоничным: *Но свет уж праздного вертепа не являет / И на земле уединенья нет!* (275). Земля становится «чужим» для лирического героя стихотворения «Последний поэт» пространством.

Недоносок не принадлежит земному миру, однако появляется он именно на земле. В последней строфе стихотворения читаем: *На земле / Оживил я недоносок* (282). Отсюда и двойственность его природы: он происходит *из племени духов* (281), и вместе с тем, имеет телесные свойства⁴¹. Тем не менее, он предстает своеобразным «соглядатаем» совершающихся на земле событий⁴². И в этом смысле он подобен лирическому герою послания «Князю Петру Андреевичу Вяземскому», который *степи мира облетает / С тоскою жаркой и живой* (272). Отличие состоит в том, что «полет» лирического героя послания имеет конкретную цель, его мысль устремлена к дорогим его сердцу друзьям: *Ищу я вас, гляжу: что с вами?* (272), тогда как метания недоноска хаотичны и бесцельны: *Обрацуюсь ли к небесам / Оглянуся ли на землю* (282). Тем не менее, и у недоноска складывается своеобразное представление о земном мире, разворачивающимся перед ним устрашающе дисгармоничными картинами бытия:

Смутно слышу я порой
Клик враждующих народов,
Поселян беспечных вой
Под грозой их переходов,
Гром войны и крик страстей,
Плач недужного младенца... (282)

Недоносок видит землю пораженной войнами и болезнями, а также тем, что природа «земного поселенца», человека, испорчена страстями.

С земным миром в книге связано представление о преходящем и суетном. В стихотворении «Толпе тревожный день приветен, но страшна...» показана абсолютная полярность двух миров, мира поэта и мира

⁴¹ На парадоксальность природы недоноска обращает внимание С.В. Рудакова: *Рудакова С.В.* Книга стихов «Сумерки» Е.А. Боратынского как лирическое единство: монография. С. 77.

⁴² С точки зрения современной исследовательницы Н.Н. Мазур, одним из возможных подтекстов стихотворения «Недоносок» является стихотворение «Бесы» А.С. Пушкина, в контексте нашего анализа интересно ее рассуждение о зеркальности и смене точек зрения: «Пушкинский герой видит бесов = духов, но не понимает их истинной сущности (“Кто они? Куда их гонят? / Что так жалобно поют?”). Боратынский меняет точку зрения и открывает настоящий облик духа, который оказывается двойником поэта». См.: *Мазур Н.Н.* «Недоносок» Боратынского // *Поэтика. История литературы. Лингвистика: Сб. к 70-летию В.В. Иванова / Редкол.: А.А. Вигасин, Р. Вроон, М.Л. Гаспаров, А.А. Зализняк и др. М.: ОГИ, 1999. С. 148.*

толпы, духовного бытия и материального⁴³. Лирический герой стихотворения – поэт, *Веселый семьянин, привычный гость на пире / Неосязаемых страстей* (291), предпринимает неудачную попытку примириться с теми заботами, которые диктует человеку его земное бытие: *Мужайся, не слабей душою / Перед заботою земною* (291).

В другом тексте, в стихотворении «Все мысль, да мысль! Художник бедный слова!..», которое Е.Н. Купреянова прочитывала в контексте «широко пропагандируемых идей русских шеллингианцев⁴⁴, показана несостоятельность попытки примирения поэта с земной действительностью, ведь перед мыслью, устремленной к постижению духовных законов сверхбытия, или иначе, небесных тайн: *бледнеет жизнь земная* (293).

В книге отразилась и идея трагической невозможности полной изоляции от земного. Как показано в стихотворении «Осень», в этой «“вечной” элегической жалобе на увядание, одиночество, опустошенность, крушение надежд»⁴⁵, во время подведения итогов поэтических трудов перед художником неизбежно *во благостыне всей является земная доля* (297). Эта «доля», выпавшая поэту, отнюдь не легка. И потом, сама сущность личности поэта оказывается связанной с земным, преходящим: ведь и ему когда-то были свойственны *земные радости души* (298). Чужеродность поэтическому, духовному земного бытия проявляется и на морфологическому уровне используемых Боратынским слов. Например, противопоставленный поэту крестьянин назван однокоренным слову «земля» словом «земледел». Жизнь крестьянина подчеркнута органична с жизнью природы, его «земная доля», отрадна и светла:

Отрадное тепло в его избе,
Хлеб-соль и пенистая брага;
С семьей своей вкусит он без забот
Своих трудов благословенный плод! (296)

⁴³ О том, что два мира, мир поэта и мир толпы, не находят точек пересечения писал в статье об этом стихотворении М.М. Гиришман: *Гиришман М.М.* Красота поисков истины // М.М. Гиришман. Литературное произведение: теория художественной целостности. М.: Языки славянской культуры, 2002. С. 214.

⁴⁴ См. ее примечание к стихотворению «Все мысль, да мысль! Художник бедный слова...» в: *Баратынский Е.А.* Полное собрание стихотворений: В 2 т. Л.: Сов. писатель, 1936. Т. 1. 1936. С. 274.

⁴⁵ *Гинзбург Л.Я.* Поэзия мысли. С. 80.

Напротив, столкновение поэта с «земным» оборачивается трагедией для него: он вынужден служить «тризну» по своим «земным» чаяниям. Для «земли», с точки зрения лирического героя стихотворения «Осень», поэт является «чужим»: падающая звезда, символизирующая гибель поэта, оставляет землю равнодушной: *Не поражает ухо мира / Падения ее далекий вой* (300).

Идея совершенного пространства в «Сумерках» связана не только с небесным, в мире юдольном тоже есть такое пространство, а точнее, оно было в далеком прошлом, когда прагматические устремления еще не охватили человечество. Тогда человек жил в гармонии с природой, с ее законами. Отношения человека с миром природы – одна из наиболее важных проблем, поставленных в книге. В прошлом природа жила одной жизнью с человеком (*Нечуждая жизнь в ней дышала*, 279), тогда как ныне она стала лишь объектом для научных изысканий. Эта мысль нашла отражение в стихотворении «Приметы». Для ученого природа – только «естество», это слово подчеркивает узость научного познания природного мира: *Пока человека естества не пытал весами, горнилом и мерой* (279). Ироничное отношение к серьезности науки звучит в стихотворении «Благословен святое возвестивший!..»: *Плод яблони со древа упадает: / Закон небес постигнул человек!* (301). Боратынский не противопоставляет научное знание поэтическому, он лишь предостерегает от односторонности познания. Недаром в стихотворении «Последний поэт» Боратынский называет музу науки Уранию «холодной» в противовес «жару» вдохновения или любви античной поэтессы Саффо, которая находит последнее убежище на лоне природы – море и скала Левкада напоминают о ней Последнему Поэту: *Сия скала... тень Сафо!.. песни волн...* (276).

Поэт способен уловить тайный язык духовного мира природы, ему кажется, что только на лоне природы можно найти желанный приют и отдохновение, но, в отличие от поэтов античности или «естественного» человека, полная гармония с миром природы для него недостижима. Особенно явственно эта мысль раскрыта в элегии «Осень», в которой Боратынский противопоставляет гармоничному существованию «труженика земли», крестьянина, внутренний разлад, трагедию поэта⁴⁶.

Осмысление мира природы в книге Боратынского как идеального духовного пространства, а также представление о небесных сферах как о про-

⁴⁶ Представление о природе в «Сумерках» мы рассматриваем в другой статье: *Анохина Ю.Ю.* Указ. соч. С. 136–137.

странстве сакральном, к которому устремлена поэтическая мысль, объясняют то, почему начальные строфы стихотворения «Осень» звучат трагично. Хотя в них, казалось бы, слышна «спокойная и ровная интонация»⁴⁷. Отметим, что картины природы, разворачивающиеся в начале стихотворения, представляют собой аллегорический пейзаж. И в этой связи стих *Безмолвен лес, беззвучны небеса!* (395) оказывается исполненным поэтической боли от того, что «сердце природы закрылось», а «небесные мечты» больше не сможет разбудить даже «друг Аи». Природа и небо для поэта теперь лишены духовного начала, теперь они являются лишь зрительно и акустически постигаемыми реалиями материального мира.

Однако говорить о природе как об «идеальном пространстве» не совсем корректно, потому что даже в стихотворении «Приметы», в котором сосредоточены натурфилософские идеи поэта, нет конкретных указаний на пространство. Образы «леса» и «пути» в четвертной строфе стихотворения (*На путь ему выбежав из лесу волк*, 279.) оказываются весьма условными: это не конкретный лес, а скорее идея леса. Как ни парадоксально, но сам мир природы понимается в стихотворении как чуждый земному пространству мир: *И сердце природы закрылось ему / И нет на земле прорицаний* (279). Земное пространство ассоциируется с существующим в нем человечеством. Аналогично и в стихотворении «Последний поэт», лирический герой которого понимает, что «на земле уединенья нет», то есть не может обрести одиночество именно в пространстве цивилизации, а значит, образ «земли» связывается скорее с жизнью общества, а не с миром природы.

Анализ таких значимых для книги «топосов», как небо, земля и природа показывает, что небесное пространство, пусть и неоднородно, но в целом понимается как идеальное, сакральное, земля ассоциируется с переходящим и суетными, а природа предстает тем идеальными миром, связь с которым человечество давно утратило. Это позволяет утверждать, что в книге стихов Е.А. Боратынского отразилось непримиримое противоречие между духовным и материальным. Человек в книге предстает как «двудеиная» сущность: в нем есть и материальное начало, есть и духовное, но в стихотворениях книги показана трагическая непримиримость, катастрофический внутренний разлад между духовным и материальным началами. Этот разлад формирует и представления о пространстве. Небесное пространство, хотя и разрозненное, в целом осмыслено как иде-

⁴⁷ Лебедев Е.Н. Тризна: книга о Е.А. Боратынском. С. 175.

альное, оно ассоциируется с Провиденьем и раем, однако оно недоступно и безмолвно, как и природа, духовная связь с которой была утрачена человечеством. Земной мир и все его реалии понимаются как несовершенные и устрашающие, однако уход от земного оказывается невозможным. Надо сказать, что внутренний разлад человека и его разлад с действительностью в книге Боратынского предстают как взаимообусловленные конфликты.

Возникшая на закате эпохи романтизма книга стихов Е.А. Боратынского «Сумерки» отразила те глубинные философские противоречия (между телом и душой, между обществом и личностью, между идеальным и несовершенным), которые были характерны для философии романтизма в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Айхенвальд Ю.И.* Боратынский // Айхенвальд Ю.И. Силуэты русских писателей. Вып. 1. М., 1907. С. 90–105.
2. *Альми И. Л.* Сборник Е.А. Боратынского «Сумерки» как лирическое единство // Вопросы литературы. Метод. Стилль. Поэтика. Владимир, 1973. Вып. 8. С. 23–81.
3. *Альми И.Л.* О поэзии и прозе. СПб.: «Семантика-С» – «Скифия», 2002. – 528 с.
4. *Андреевский С.А.* Поэзия Боратынского // Андреевский С.А. Литературные чтения. СПб., 1891. С. 1–36.
5. *Анохина Ю.Ю.* Категории бытия и небытия в книге стихов «Сумерки» Е.А. Боратынского // Научный диалог, 2017, № 10. С. 129–148.
6. *Баратынский Е.А.* Полное собрание стихотворений: В 2 т. Л.: Сов. писатель, 1936. Т. 1. 1936. – 366 с.
7. *Баратынский Е.А.* Стихотворения. Поэмы. / Изд. Подготовил Л.Г. Фризман. М.,: Наука, 1982. – 720 с.
8. *Баратынский Е.А.* Разума великолепный пир: О литературе и искусстве / Вступ. статья, составл. и примеч. Е.Н. Лебедева. М.: Современник, 1981. – 224 с.
9. *Брюсов В.Я.* Мировоззрения Боратынского // Брюсов В.Я. Собрание сочинений в 7-ми т. / Под общ. Ред. П.Г. Антокольского и др. Т. 6: Статьи и рецензии. 1893–1924. «Далекие и близкие». Ст. и составл. Д.Е. Максимова и Р.Е. Помирного. М.: Художественная литература, 1975. С. 34–35.
10. *Вацуро В.Э.* Е.А. Боратынский // История русской литературы: В 4 т. / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом); Редкол.: Н.И. Пруцков (гл. ред.), А.С. Бушмин, Е.Н. Купреянова, Д.С. Лихачев, Г.П. Макогоненко, К.Д. Муратова. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1980–1983. Т. 2: От сентиментализма к романтизму / Ред тома Е.Н. Купреянова. Л., 1981. С. 380–393.

11. *Верховский Ю.Н.* О символизме Боратынского // Труды и дни. 1912. № 3. С. 1–9.
12. *Виноградов В.В.* История слов / Российская академия наук. Отделение литературы и языка: Научный совет «Русский язык». Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН / Отв. ред. Академик РАН Н.Ю. Шведов. М.: 1999. – 1138 с.
13. *Власенко А. И.* Поэтический сборник «Сумерки» как художественное единство // Вестник московского университета. Серия 9. Филология. 1992. № 6. С. 20–27.
14. *Гинзбург Л.Я.* Поэзия мысли // Гинзбург Л.Я. О Лирике. М.: Интрада, 1997. С. 50–120.
15. *Гиришман М.М.* Красота поисков истины // М.М. Гиришман. Литературное произведение: теория художественной целостности. М.: Языки славянской культуры, 2002. С. 209–223.
16. *Дарвин М.Н.* «Художественный мир «Сумерек» Е.А. Баратынского // Дарвин М. Н. Русский лирический цикл: Проблемы истории и теории. Красноярск, 1988. С. 97–119.
17. *Журавлева А.И.* «Последний поэт» // Журавлева А.И. Кое-что из былого и дум: О русской литературе XIX века. М.: Изд-во Московского университета, 2013. С. 98–109.
18. *Козубовская Г.П.* Поэзия Е.А. Баратынского: «несостоявшийся диалог» // Вестн. Барнаул. гос. пед. ун-та. Сер. Гуманитар. науки. Барнаул, 2001. № 1. С. 48–58.
19. *Козубовская Г.П.* Поэтическая философия Е.А. Боратынского: «границы бытия» // Культура и текст. 2015. № 3. С. 261–303.
20. *Куприянова Е.Н.* Баратынский тридцатых годов // Баратынский Е.А. Полное собрание стихотворений: в 2 т. Л.: Советский писатель, 1936. Т. 1. 1936. С. 78–116.
21. *Лебедев Е.Н.* Тризна: книга о Е.А. Боратынском. СПб., М.: Летний сад, 2000. – 288 с.
22. *Мазепа Н.Р.* Баратынский: эстетические и литературные взгляды. Киев: Изд-во Академии наук Украинской ССР, 1961. – 91 с.
23. *Мазур Н.Н.* «Недоносок» Баратынского // Поэтика. История литературы. Лингвистика: Сб. к 70-летию В.В. Иванова / Редкол.: А.А. Вигасин, Р. Ворон, М.Л. Гаспаров, А.А. Зализняк и др. М.: ОГИ, 1999. С. 146–186.
24. *Патроева Н.В.* Концепт «бытие» в поэтической картине мира Е.А. Боратынского: к реконструкции языковой личности «поэта мысли» // Лингвориторическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты. 2014. № 19. С. 161–171.
25. *Песков А.М.* Е.А. Взгляд на жизнь и сочинения Боратынского // Летопись жизни и творчества Е.А. Боратынского. 1800–1844 / сост. Песков А.М. М.: Новое литературное обозрение. 1998. С. 9–48.

26. Пушкин А.С. <Баратынский> // Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: В 16 т. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1937–1959. Т. 11. 1949. С. 185–187.
27. Словарь языка Пушкина: в 4 т. / Отв. ред. АН СССР В.В. Виноградов. – 2-е изд., доп. / Российская академия наук. Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова. Том 1: А–Ж. М.: Азбуковник, 2000. – 982 с.
28. Рудакова С.В. Пространственно-временная организация книги «Сумерки» Е.А. Боратынского // Проблемы истории, филологии, культуры. 2008. № 22. С. 299–310.
29. Рудакова С.В. Книга стихов «Сумерки» Е.А. Боратынского как лирическое единство: монография. Saarbrücken: LAP Lambert, 2011. – 250 с.
30. Рудакова С.В. Основные образно-семантические категории поэтического мира Е.А. Боратынского: монография. Магнитогорск: МаГУ, 2013. – 163 с.
31. Семенко И.М. Поэты пушкинской поры. М.: Художественная литература, 1970. – 278 с.
32. Фигут Р. Субъективное и несубъективное в циклическом субъекте «Сумерек» Е.А. Боратынского // Логос. 2001. № 3. С. 19–39.
33. Фризман Л.Г. Творческий путь Боратынского. М.: Наука, 1966. – 146 с.
34. Фризман Л.Г. Поэт и его книги // *Баратынский Е.А.* Стихотворения. Поэмы / Изд. Подготовил Л.Г. Фризман. М.,: Наука, 1982. С. 497–558.
35. Хетсо Г. Евгений Боратынский. Жизнь и творчество. Oslo; Bergen; Tromsø: Universitetsforlaget, 1973. – 710 с.
36. Хитрова Д.С. Литературная позиция Е.А. Боратынского 1820 – первой половины 1830-х годов. Дисс. ... канд. филол. наук. М.: 2005. – 179 с.
37. Хитрова Д.С. Литературная позиция Е.А. Боратынского и эстетические споры конца 1820-х годов // Пушкинские чтения в Тарту 3: Материалы международной научной конференции, посвященной 220-летию В.А. Жуковского и 200-летию Ф.И. Гютчева / Ред. Л. Киселева. Тарту: Tartu Ülikooli Kirjastus, 2004. С. 149–180.
38. Хузеева Л.Р. Мифологизация личности Е.А. Боратынского в русском литературоведении XX века // Известия Саратовского университета. Нов. сер. Филология. Журналистика. 2013. Вып. 3. С. 54–60.
39. Хузеева Л.Р. Вопрос о жанре «Сумерек» Е.А. Боратынского в русском и зарубежном литературоведении // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. № 8. Ч. 2. С. 192–195.